

Гранде, — а! золотой наперсток. А ты, дочечка? ага! брильянтовые аграфы. Ну, душка, так и я возьму твои пуговики, сказал он, сжимая руку Шарля... Но за это ты позволишь мне заплатить за твоё путешествие да... да, да, ну хоть... уж пожалуй до Индии. Да, мой друг, я заплачу за твоё путешествие. Потому что — видишь ли, друг мой, — я оценил эти вещи только по весу, а, может быть, будет барыш на работе. Ну, так сказано, сделано! Уж я размотаю мошну, дам тебе этак с тысячу экю... *ливрами*. Крюшо дал взаймы; у меня нет ни шелега, друг мой, ей-Богу нет ни шелега; разве Перорре заплатит за ферму; он просрочил; а вот пойду, повидаясь с ним...

Он схватил перчатки, надел шляпу и вышел из комнаты.

— Так вы от нас едете? — грустно сказала Евгения.

— Надобно, сестрица.

С некоторого времени вид, слова, движения Шарля — всё обнаруживало в нем глубокую, молчаливую грусть; но как человек, обреченный судьбою на тяжкие труды и обязанности, он находил и в самом несчастье своем новые силы. Он уже не плакал, не вздыхал более, он возмужал. Тут только Евгения увидела его характер, идеал своего Шарля. Она любила смотреть на его грубое платье, темный покррой которого шел к его бледному лицу и к мрачной задумчивости. В этот день госпожа Гранде и Евгения надели траур и слушали все вместе в соборе *Requiem*, исполненный за упокой души покойного Вильгельма Гранде. В полдень Шарль получил из Парижа письма.

— Что, братец, довольны ли вы вашими известиями? — тихо спросила Евгения.

— Этого никогда не должно ни у кого спрашивать, дочка, — сказал Гранде, — заметь себе это. Ведь я же с тобой не болтаю о своих делах, так к чему же соваться в чужие? Оставь его в покое, друг мой.

— Да у меня нет секретов, — сказал Шарль.

— Та, та, та, та, племянничек! поторгуешь, научишься держать язычок на привязи за зубами.

Когда двое любящихся сошлись в саду, Шарль усадил Евгению на дерновую скамью под орешником и сказал ей:

— Альфонс славный малой. Он прекрасно обделал все дела мои. Он повершил всё честно и благоразумно. Я ничего не должен в Париже. Все мои вещи проданы, и на вырученные за всем три тысячи франков Альфонс, по совету одного флотского капитана, сделал мне несколько тюков с безделушками, с европейскими вещами, заманчивыми для туземцев. Там мне дорого дадут за всё это. Он отправил уже это всё в Нант, где стоит судно, назначенное в Яву. Через пять дней нам нужно расстаться, Евге-